

городском быту, считалось грубой ошибкой входить в дом в обуви. Даже для этого, на балконе, или около дома были особые места, называемые «для снятия башмаков», «для обуви». Когда члены семьи, или гости входили в дом, они оставляли свои грязные от пыли и грязи обуви и надевали шетели. Только после этого, они входили в дом, устланный паласом и коврами. Этот обычай остался и сейчас. С начала XX-го века, башмаки стали шить из хрома, шавро, подошвы. У башмака только ступня была открытой. Для пятки башмака изготавливали ивовую подкову из железа или сетки. Его низ был вертикальным и немного складывался назад, а задняя часть оставалась открытой. Башмаки были двух видов, «дамский» для женщин и «мужской» мужчин [10, с. 281]. Другим нарядом для обуви являются сапоги, у которого поддонник шили из дублёной кожи, подошва из обработанной козлиной шкуры, длинная горловина шилась из тумача и мушкю. Сапог, у которого низ складывается назад, в основном, надевали богатые мужчины. Во время длительного путешествия для прищипоривания коня, на каблук сапога надевали шпоры. Поскольку их надевали, держа за голенище (горло), и стягивая (дёргая), из-за этой причины его называли «чекме» (сапог). В XIX-м веке Гянджа занимала особое место среди центров по производству Сапогов. В 1849-м году здесь работало 75 сапожных мастеров. «Мести», которое было связано с богослужением, надевали в домашних условиях в основном мужчины, совершающие намаз и молящиеся богу. И низ и верх мести шили из тумача, поэтому при выходе из дома на улицу поверх мести надевали обувь. С начала XX-х годов, в результате усиления товарно-денежных отношений, в быт из Османской Империи проникли Европейские элементы одежды, фабричные товары, сшитые одежды, обуви, платья, жакеты, джемперы, сапоги, и др., виды одежды, но, несмотря на это национальные виды одежды сохраняли свою специфику. Даже традиционные головные уборы имели особое значение.

Список использованных источников

1. Veysalova V. Azərbaycan məhəbbət dastanları etnoqrafik mənbə kimi. – B., 2004.
2. Mustafayev A. N. Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi. – Bakı, 2009.
3. Mustafayev A. İngiloyların maddi mədəniyyəti. – Bakı, 2005.
4. Karakashly K. T. Материальная культура азербайджанцев. – Баку, 1964.
5. Кличевская З. А. Азербайджанский женский костюм XIX в. из села Оджек Халданского района. – Баку, 1951.
6. İbadova G. Azərbaycanın müasir folklor qruplarının milli geyim ənənələri. – Bakı, 2013.
7. Kərimov E. «Azərbaycanın tarixi – etnoqrafik bölgələri» // Tarix və onun problemləri. – B., 1998. – №3, II məqalə. – S.210–215.
8. Народы Кавказа, II том / Под редакцией Б. А. Гарданова, А. Н. Гулиева и т.д. – Москва, 1962.
9. Azərbaycan etnoqrafiyası. Üç cildə. II cild. – Bakı: «Şərq-Qərb», 2007.
10. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XI. – Тиф., 1891.

References

1. Veysalova V. Azərbaycan məhəbbət dastanları etnoqrafik mənbə kimi. – B., 2004.
2. Mustafayev A. N. Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi. – Bakı, 2009.
3. Mustafayev A. İngiloyların maddi mədəniyyəti. – Bakı, 2005.
4. Karakashly K. T. Material'naja kul'tura azerbajdzhancev. – Baku, 1964.
5. Klichevskaja Z. A. Azerbajdzhanskij zhenskij kostjum XIX v. iz sela Odzhek Haldanskogo rajona. – Baku, 1951.

6. İbadova G. Azərbaycanın müasir folklor qruplarının milli geyim ənənələri. – Bakı, 2013.

7. Kərimov E. «Azərbaycanın tarixi – etnoqrafik bölgələri» // Tarix və onun problemləri. – B., 1998. – №3, II məqalə. – S.210–215.

8. Народы Кавказа, II том / Под редакцией Б. А. Гарданова, А. Н. Гулиева и т.д. – Москва, 1962.

9. Azərbaycan etnoqrafiyası. Üç cildə. II cild. – Bakı: «Şərq-Qərb», 2007.

10. Sbornik materialov dlja opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Вып. XI. – Tif., 1891.

Gamzaeva N. G., PhD, Institute of Archaeology and Ethnography (Azerbaijan, Baku), piragaimayilzade@gmail.com

Men's clothing for the population of the city of Ganja in XIX – XX centuries

XIX – XX centuries Ganja city was different with the richness of the culture among other Azerbaijani cities. Men clothes of Ganja city has been distinguished for the construction form and material of clothes. The article analyzed sets of men clothes of Ganja city.

Keywords: Ganja, culture, men's clothing sets, national clothes, daily clothes.

Гамзаева Н. Г., докторант, Институт археології та етнографії НАНА (Азербайджан, Баку), piragaimayilzade@gmail.com

Чоловічий одяг для населення міста Гянджа в XIX – XX ст.

У XIX – XX ст. Гянджа відрізняється багатством культури серед інших міст Азербайджану. Чоловіки одяг розділяли на повсякденний, святковий і сезонний одяг. У статті проаналізовано набори одягу у місті Гянджа.

Ключові слова: Гянджа, культура, чоловічий одяг, національний одяг, повсякденний одяг.

* * *

УДК 39;572.9

Гагев Ф. А.,

младший научный сотрудник, Национальный музей истории Азербайджана Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджан, Баку),
aghavevfuad2@gmail.com

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И МУСУЛЬМАН КAVKAZA В XIX ВЕКЕ

Рассматриваются религиозные аспекты взаимоотношений военного ведомства Российской империи с представителями мусульманского населения региона Северного Азербайджана. Доказано, что политика привлечения коренного населения к военной службе, при том, что официальные власти вынуждены были учитывать особенности исламского вероучения, служила одной из важных целей российской самодержавия по укреплению военного и политического положения империи в регионе Южного Кавказа. Автор считает, что, несмотря на политику великодержавного шовинизма, конфессиональная терпимость в отношении мусульман, несших службу в военных структурах империи, способствовала формированию относительно лояльного отношения местного населения по отношению к официальным властям.

Ключевые слова: мусульмане, Собственный Его Величества Конвой, император, мулла, «Алиева секта», присяга.

(статья друкється мовою оригіналу)

Процесс завоевания территории Северного Азербайджана со стороны российского самодержавия поставил перед официальными властями вопрос о необходимости выстраивания определённой стратегии религиозной политики. Перед российским самодержавием встала проблема налаживания взаимоотношений с представителями главной конфессиональной группы населения этого региона – с мусульманами. В ходе завоевания Южного Кавказа колониальная политика, основанная с одной стороны на жёсткости по отношению местного населения, с другой стороны ставила вопрос о привлечении представителей мусульманской населения на военную службу российскому правительству. Военное

ведомство Российской империи считало одной из важных задач удовлетворение религиозных потребностей воинов не только православного вероисповедания, но и представителей иных конфессий, прежде всего мусульман, как второй по численности религиозной группы в России.

Следует отметить, что участие местного мусульманского населения в русско–иранской войне 1826–1828 гг. по сравнению с русско–иранской войной 1804–1813 гг. носила более широкий характер. В боевых действиях в составе войск Отдельного Кавказского корпуса участвовали азербайджанские конные и пешие ополчения, свыше 12 тыс. человек. Эти так называемые «дружины», «мусульманская», или «татарская» конница представляли собой в отличие от азербайджанских ополчений периода первой русско–иранской войны более организованные иррегулярные войска.

Воины из числа мусульман региона активно участвовали в боевых действиях русско–иранской и русско–турецкой войн. В мае 1828 года из азербайджанцев были сформированы пешие и конные иррегулярные формирования численностью до 2500 человек. Наряду с этим российский командованием был сформирован «один сарбазский (пехотный – Ф. А.) батальон из эриванских мусульман» под командой офицера–азербайджанца. Помощником командира батальона был назначен русский штабс–офицер. Батальон состоял из 8 пехотных рот, в каждой роте было 2 обер–офицера, 9 унтер–офицеров, 3 музыканта и 130 рядовых. Всего в чем насчитывалось 16 обер–офицеров, 72 унтер–офицера, 26 музыкантов и 1040 рядовых [4, с. 129].

Среди них были полковник русской службы Аббас–Кули–Ага Бакиханов, капитан первого конно–мусульманского полка Фараджулла–бек, поручик Фехрат–бек и др. В кампанию 1829 года против войск Османской империи воевали азербайджанские воины в составе конницы под командой Н. Н. Раевского, с успехом выполнявшие ответственные боевые операции (взятие крепости Хертвис, Соганлугское сражение). Об исключительном доверии к азербайджанским воинам свидетельствует тот факт, что во время сражения под селением Харт 19 июля 1829 года первым на прорыв турецких позиций был брошен 2–й конно–мусульманский полк.

Участие азербайджанских воинов в боевых действиях потребовало от чиновников уделить пристальное внимание вопросам удовлетворения духовных потребностей мусульман. Среди высших сановников из окружения императора Николая I повышенное внимание этому вопросу уделял один из ближайших сподвижников самодержца, глава «высшей политической полиции» генерал–адъютант граф Александр Христофорович Бенкендорф, больше известный широким кругам общественности того периода своей деятельностью на должности руководителя III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шефа жандармов. При этом он также был первым управляющим Главной Императорской квартирой, к которой был причислен Собственный Его Императорского Величества конвой – личная охрана монархов. В XIX веке в состав этого подразделения входили и мусульмане из Крыма и Кавказа.

А. Бенкендорф уделял большое внимание религиозным аспектам службы мусульман конвоя. В 1829 году в

«Правилах для обучения горцев, подготавливаемых для службы в Собственном Его Императорского Величества конвое в Дворянском полку» Бенкендорф писал: «Не давать горцам свинины и ветчины. Строго запретить насмешки дворян и стараться подружить горцев с ними. Эффендию разрешать посещать горцев, когда он пожелает, даже в классах. Наблюдать, чтобы во время молитвы горцев дворяне им не мешали... чтобы насчет веры горцев ничего дурного не говорили и не советовали переменить её» [5, с. 61]. В марте 1830 года по поводу мусульманских праздников горцам было выдано 500 рублей. Дальновидный чиновник Александр Христофорович считал чрезвычайно целесообразным выстроить эффективную систему взаимоотношений официальной власти не только с суннитской, но и с шиитской частью мусульманского населения Кавказа.

Одной из действенных мер для привлечения мусульманского населения на службу российскому самодержавию был указ императора Николая I, объявленный великому князю Михаилу Павловичу, занимавшему с 1831 года должность начальника Пажеского и всех сухопутных кадетских корпусов, военным министром 19 декабря 1834 года – «О присылке в Кадетские Корпуса детей почетных Мусульман Кавказского края» гласил: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: детей почетных мусульман Кавказского края присылать в Кадетские Корпуса, от 20 до 30 в год, но не более, независимо от тех из почетнейших которые будут назначены в Пажи, и тех, кои в родстве со служащими в Конвое Его Величества, доставляя их вообще в год два раза, смотря по времени выпусков из Корпусов в Офицеры» [1, с. 111]. Этим шагом фактически были заложена основа для привлечения на военную службу российскому самодержавию молодого поколения мусульманской аристократии региона.

Следующим шагом в политике привлечения мусульман на военную службу стало утверждение императором Николаем I по ходатайству генерал–фельдмаршала Паскевича 2 июня 1835 года «Положение об иррегулярном Закавказском конно–мусульманском полку», согласно которому в состав создаваемого из уроженцев Северного Азербайджана полка входили командир, 2 помощника командира полка, 6 командиров сотен, 18 помощников сотенных командиров, 48 урядников, 600 нижних чинов и 198 нестроевых нижних чинов. По распоряжению командира Отдельного Кавказского корпуса к полку прикомандировывались два офицера из состава войск корпуса, владевших азербайджанским языком – один в должности полкового адъютанта, другой в должности полкового квартирмейстера и казначея. Срок службы в полку был назначен в четыре года. Командир полка назначался из русских офицеров, владевших азербайджанским языком, и утверждался приказом императора.

При назначении на должности офицеров принимались во внимание два условия: «Известная преданность российскому правительству и происхождение из лучших закавказских фамилий». Все чины полка получали жалование от казны. 11 марта 1839 года высочайшим указом из состава полка была сформирована в числе 30 человек команда мусульман для Собственного Его Императорского Величества конвоя: «В команду сию избираются люди способные к гвардейской службе и

отличные храбростью, исправностью, поведением». Команда вошла в состав Лейб-гвардии Кавказско-Горского полускадрона. Воины данного подразделения имели форму, составленную на основе национальной мужской одежды, питались блюдами национальной кухни. Таким образом, привлечение представителей мусульманского населения из аристократических кругов на военную службу стало в определенной степени признанием лояльности этой части местного населения. Команда неотлучно сопровождала императора и членов его семьи, охраняла императорские дворцы и резиденции, участвовала в торжественных мероприятиях, принимала участие в войнах. Впоследствии команда была названа 4-м (мусульманским) взводом Кавказского эскадрона конвоя [3, с. 19].

Процесс завоевания Южного Кавказа Российской империей привёл к формированию особых методов проведения в этом регионе религиозной политики, в частности к складыванию неизбежного в данных конкретных условиях прагматического подхода, учитывающая местные особенности исламского вероучения. Имперские политики старались умело использовать в интересах самодержавия традиционное противостояние последователей «Омаровой секты» (суннитами – Ф. А.) и «Алиевой секты» (шиитами – Ф. А.)

В 1842 году 15 января Бенкендорф писал военному министру Александру Ивановичу Чернышеву, который параллельно курировал административно-хозяйственные дела Главной Императорской квартиры «Нижние чины Команды Мусульман Собственного Его Величества Конвоя, дети почётных мусульман, находящиеся на воспитании в военно-учебных заведениях, как равно мусульмане, занимающиеся торговлею в Санкт-Петербурге, будучи Алиевой секты, совершенно различной от той (т.е. Омаровой – Д. А.), к которой принадлежит Эффендий Л. Гв. Кавказско-Горского Полускадрона, обратились с просьбой об исходотайствовании Высочайшего Его Императорского Величества соизволения утвердить при оном Полускадроне одного муллу Алиевой секты для исполнения богослужения и треб по их обряду. Принимая во внимание просьбу сих Мусульман и ходатайство по сему предмету Военно-Походного Начальника Кянгерлинских всадников Генерал-Майора Эксан Хана, я имел счастье повергать оную на Всемилостивейшее воззрение Государя Императора, всеподданнейше испрашивая утвердить в сие звание находящегося ныне в Санкт-Петербурге по частным дела Алиевой секты Муллу Алекпар Абдула-Оглы, согласно желанию Всех мусульман, с тем однако, чтобы пред истечением положенного 4-летнего термина для службы Эффендия Л. Гв. Кавказско-Горского Полускадрона был всегда присылаемым с Кавказа другой (шиитский – Д. А.) мулла на смену, ибо из сего предвидется и та польза, что по возвращении его на родину он влиянием своим в народе может послужить к утверждению единоземцев своих в преданности Правительству им благодетельствующему. Относительно же содержания сему мулле, я испрашивал повеления Его Величества, определить ему ту сумму, которая до 1835 года отпускалась по штату Высочайше утверждённому в 30 день Апреля 1830-го переводчику при Собственном конвое и выдача которой прекращена в том внимании, что все Офицеры, зная Русский язык, не имели в переводчике надобности». Его императорскому

Величеству на всеподданной докладной записке моей по сему предмету благоугодно было собственноручно написать: «Согласен» [2, с. 70].

По данным известного российского историка Д. Арапова, со ссылкой на материалы данного дела 25 февраля 1842 года, мулле «Алиевой секты» в Санкт-Петербурге было положено следующее годовое содержание: жалованья – 343 руб. 20 коп., столовых денег – 313 руб. 90 коп., на продовольствие денщика – 54 руб. 45 коп. Таким образом, личное денежное содержание шиитского муллы (657 руб. 10 коп. серебром) примерно равнялось тогдашнему годовому окладу армейского капитана (чин IX класса, годовой оклад 666 руб. серебром) [2, с. 71].

Подобное терпимое довольное отношение к представителям не только суннитской, но и шиитской части населения происходило, прежде всего, из осознания того факта, что шиитское население могло проявлять благосклонное отношение к давнему противнику Российской империи – шиитскому Ирану, а то время как сунниты больше тяготели к другому противнику России – Османской империи, официальной религией которой был суннизм. По сведениям известного русского востоковеда Н. В. Ханькова, в 1848 году на территории Южного Кавказа проживало 428 487 мусульман, в том числе суннитов – 215 226, шиитов – 213 261 [5, с. 373].

Также не остались вне поля зрения чиновников военного ведомства и вопросы паломничества воинов-мусульман к святым местам исламской религии – Мекке и Медины. Учитывая, что одним из обязательных требований исламского вероучения являлась обязанность совершить паломничество (хадж) хотя бы раз в жизни, чиновники должны были испрашивать распоряжений в данном вопросе непосредственно в высших военных инстанциях. И здесь мнение военных чиновников и высших сановников империи было по большей части отрицательным. В первой половине XIX века разрешения на паломничество военных чинов из мусульман было воспрещено: «Господину Командиру Отдельного Оренбургского корпуса. Ваше Высокопревосходительство рапортом от 29 ноября 1842 года за №1227 донося, что некоторые из состоящих в иррегулярных войсках чиновники и нижние чины, а равно духовные из магометан обращаются с просьбами об увольнении их в Мекку и Медину для поклонения магометанской святыне, – испрашиваете в руководство разрешения по этому предмету. По всеподданнейшему о сем докладу Государь Император, находя продолжительные отлучки, коих требует следование в означенные места, несовместимым с обязанностями службы, изволит решительно воспрещать увольнение туда воинских чинов; Его Величеству благоугодно, дабы соблюдаемы были меры, принятые в этом отношении по Кавказу и Закавказскому краю, т.е. отклонять богомольцев от путешествий в Мекку и Медину под разными благовидными предложениями» [2, с. 69].

На наш взгляд отказ в паломничестве для воинов-мусульман был связан, прежде всего, с тем, что российские власти боялись морального влияния на военных-мусульман со стороны турецких властей, контролировавших в тот период территорию Саудовской Аравии (где находились святыне места ислама).

Не обошли своим вниманием российские чиновники и вопросы празднования мусульманских праздников и

памятных дат. В 1868 году на запрос Главного штаба Военного министерства относительно увольнения нижних чинов из мусульман Южного Кавказа в праздники «их закона» Департамент духовных дел иностранных исповеданий сообщил, что нижние чины сунниты должны быть увольняемы от обязанностей службы в праздник Рамазан байрам и Курбан-байрам на три дня каждый раз, а шииты сверх означенных праздников должны соблюдать также траурный день по убитому имаму Гусейну 8, 9 и 10 день Мухаррама каждого лунного года и персидский новый год (Науруз) – три дня, начиная со дня весеннего равноденствия (9, 10 и 11 марта).

Отдельного внимания заслуживает вопрос воинской присяги для мусульманам, так как для них была разработана своя, отличная от воинской присяги представителей других конфессий, процедура её принятия. Отдельного внимания заслуживает вопрос принятия присяги воинами-мусульманами: «Порядок приведения к присяге магометан следующий: 1) присягающий должен во время присяги держать два перста правой руки своей на раскрытом Алкоране, повторять слова присяги, которые ему читает духовное лицо магометанской веры, и по окончании клятвы целовать слова Алкорана; 2) лицо, наряженное для присутствия при принятии присяги, обязано: а) поверять правильность выполнения оной по тому столбцу (прилож. формы), в котором татарские или другого восточного языка слова присяги изображены русскими буквами, и б) наблюдать, чтобы духовные лица магометанской веры, во время чтения присяги не произносили фразы по-арабски: иншааллах, а по-татарски: аллах-тилясе (т.е. Богу угодно), а также не переменили своего места и положения; 3) в тех местах, где не окажется духовного лица магометанской веры, приведение к присяге магометан должно быть возлагаемо на кого-либо из мусульман грамотных, а если присягающий сам грамотен, то ему самому предоставляется читать слова присяги» [7, с. 54].

Каждый воин-мусульманин произносил при принятии присяги клятву на тюркском (азербайджанский – Ф. А.) языке «Я, написавший внизу бумаги сей имя свое, клянусь Господом Всемогущим, в присутствии преславного Корана, произнося клятву: валлахи, билляхи, таллахи, в том, что взял на себя и обязался служить верою и правдою Его Императорскому Величеству, моему Августейшему Владыке и Повелителю, Всемилостивейшему Императору, Самодержавному Государю всея России Николаю Александровичу, и истинному и природному Наследнику Его Царства, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Алексею Николаевичу, и Им во всем повиноваться; и на службе Их не отступать от пролития крови моей и ради ...Беру Бога Всевышнего и Правого в свидетели сей моей клятвы. Да требует Он с меня в ней отчета вечно и непрерывно и да лишит Он меня Своего покровя и Своего милосердия, если я не выполню оной. Заключаю сию мою клятву целованием преславного Корана. Аминь» [7, с. 55].

Ключевым моментом в принятии присяги на Коране было то, что принятие присяги было обусловлено именно соблюдением исламских традиций в этой, казалось бы, абсолютно православной традиции.

Таким образом, подводя итоги данному вопросу, можно констатировать, что политика российского самодержавия, учитывающая религиозные нужды

мусульман, находившихся в рядах российской армии, привела к положительным результатам и способствовала в определенной степени сохранению лояльности мусульман региона официальным властям.

Список использованных источников

1. Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М., 2001. – 367 с.
2. Арапов Д. Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. – М.: Изд. Наталис, 2006. – 480 с.
3. Ахмедов С. Из истории зарождения военной униформы в Азербайджане // Журнал «İrs» – «Наследие». – 2008. – №4 (34).
4. Ибрагимбеги Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. – Москва: Изд. «Наука», 1969. – 151 с.
5. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60 гг. XIX в. Ч. II. – М. – Л., 1936.
6. Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1899. – 436 с.
7. Свод военных постановлений 1869 года. Ч. 2. Войска регулярные, кн. 6. Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства. – Изд. 2-е. – СПб., 1907.

References

1. Arapov D. Ju. Islam v Rossijskoj imperii // Islam v Rossijskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisanija, statistika). – M., 2001. – 367 s.
2. Arapov D. Ju. Imperatorskaja Rossija i musul'manskij mir. – M.: Izd. Natalis, 2006. – 480 s.
3. Ahmedov S. Iz istorii zarozhdenija voennoj uniformy v Azerbajdzhanе // Zhurnal «İrs» – «Nasledie». – 2008. – №4 (34).
4. Ibragimbejli H. M. Rossija i Azerbajdzhan v pervoj treti XIX veka. – Moskva: Izd. «Nauka», 1969. – 151 s.
5. Kolonial'naja politika rossijskogo carizma v Azerbajdzhanе v 20–60 gg. XIX v. Ch. II. – M. – L., 1936.
6. Petin S. Sobstvennyj Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoj. – SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1899. – 436 s.
7. Svod voennyh postanovlenij 1869 goda. Ch. 2. Vojaska reguljarnye, kn. 6. Komplektovanie vojsk i upravlenij, zavedenij i uchrezhdenij voennogo vedomstva. – Izd. 2-е. – SPb., 1907.

Aghayev F. A., Research Associate, National Museum of History of Azerbaijan National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku), aghayevfuad2@gmail.com

The religious aspects of the relationship of the military department of the Russian Empire and the Muslims of the Caucasus in the XIX century

We consider the religious aspects of the relationship of the military department of the Russian Empire with the representatives of the Muslim population in the Northern Azerbaijan. It is proved that the policy of attracting the indigenous population for military service, despite the fact that the authorities had to take into account the peculiarities of the Islamic faith, served as one of the important goals of the Russian autocracy to strengthen the military and political situation of the empire in the South Caucasus. The author believes that, despite the policy of great-power chauvinism, religious tolerance towards Muslims, carried the service in the military structures of the empire, promoted the formation of relatively loyal attitude of the local population in relation to the authorities.

Keywords: Muslims, His Majesty's Own convoy, the emperor, the mullah, «Aliyev sect», the oath.

Ağayev Ф. А., молодший науковий співробітник, Національний музей історії Азербайджану Національної академії наук Азербайджану (Азербайджан, Баку), aghayevfuad2@gmail.com

Релігійні аспекти взаємовідносин військового відомства Російської імперії і мусульман Кавказу в XIX столітті

Розглядаються релігійні аспекти взаємин військового відомства Російської імперії з представниками мусульманського населення регіону Північного Азербайджану. Доведено, що політика залучення корінного населення до військової служби, при тому, що офіційні власті змушені були враховувати особливості ісламського віровчення, служила однією з важливих цілей російського самодержавства щодо зміцнення військового і політичного становища імперії у регіоні Південного Кавказу. Автор вважає, що, незважаючи на політику великодержавного шовінізму, конфесійна терпимість щодо мусульман, які несли службу у військових структурах імперії, сприяла формуванню щодо лояльного ставлення місцевого населення по відношенню до офіційних властей.

Ключові слова: мусульмани, Власний Його Величності Конвой, імператор, мулла, «Алієва секта», присяга.

* * *